

Сказано — сделано. Уже на следующий день после обеда, когда Чжун Цзыци свернул свою лавку, он отправил Чжао Нина и Чжао Шэна домой, а сам вместе с Чжао Чжэнъанем остался прогуляться по уездному городку Циншуй, прикупить кое-какие мелочи.

Что касается подарков для двух стариков из семьи Чжун, у него всё было заранее продумано. Несколько отрезков ткани, немного сладостей да кусок мяса — вполне достаточно. И не стоило считать это скромным: всё из этого стоило недёшево, и в сумме он потратил около ста вэней.

Когда покупки были завершены, Цзыци вдруг решил: зачем откладывать на потом, если можно отнести всё сегодня? Так он избавит их от необходимости снова и снова ходить к нему.

После полудня дорога между Циншум и деревней Чжао была почти пустынной. Лишь изредка мимо с тихим цоканьем проезжала незнакомая повозка. Настроение у Цзыци было лёгкое и радостное — он оживлённо болтал с Чжао Чжэнъанем, смеялся, не чувствуя ни тени тревоги.

И вдруг — из леска по обе стороны дороги выскочили двое мужчин, их взгляды были откровенно недобрыми.

Сердце Цзыци резко ухнуло вниз. Он крепко сжал руку Чжэнъаня и потянул его назад, собираясь уйти. Но едва они сделали пару шагов, как ещё двое вышли из зарослей сбоку. Четверо крепких, рослых мужчин окружили их с двух сторон.

Цзыци сразу понял: дело плохо. Кто мог затаить на него такую злобу? Неужели он сам навлёк беду — стал слишком заметным?

Но времени на размышления не осталось. Очевидно, пришли они не с добром.

Он сглотнул, стараясь удержать голос ровным, и напряжённо произнёс:

— ... Если вам нужны деньги — берите всё, что у нас есть. Только не трогайте нас. Всё можно решить мирно.

Рука Чжао Чжэнъаня сжалась сильнее, почти до боли. Его лицо побледнело, губы сжались в тонкую линию — он тоже почувствовал опасность.

Один из мужчин усмехнулся, в его голосе сквозила насмешка:

— Деньги... мы, конечно, заберём. Но и вас просто так не отпустим.

— Верно, — подхватил другой. — Сам виноват, связался не с теми людьми. Нам велено преподать тебе урок. Не можем же мы подвести заказчика.

Третий нетерпеливо махнул рукой:

— Хватит болтать. Заканчиваем быстрее.

Остальные трое без лишних слов шагнули вперёд, мгновенно замыкая кольцо. В следующую секунду Цзыци почувствовал резкую боль в ноге — удар был таким неожиданным, что он вскрикнул.

А затем всё смешалось — удары посыпались один за другим, кулаки, пинки, безжалостная жестокость.

— Помогите!.. Помогите!.. Кто-нибудь, пожалуйста!.. — его голос срывался, он отчаянно

пытался вырваться, крича о помощи, цепляясь за последнюю надежду, что кто-то услышит и придёт.

Но этой надежде не суждено было сбыться.

— Ха, хоть глотку сорви — никто вам не поможет.

Чжао Чжэнъань яростно уставился на них. Особенно когда увидел, как удары сыплются на Чжун Цзыци — в груди вспыхнула такая злость, что страха не осталось вовсе. Он даже не обращал внимания на двоих, что били его самого — рванулся вперёд, к Цзыци, оттолкнул нападавших и, оскалившись, встал перед ним, словно загнанный, но несломленный зверь.

— О, ещё и сопротивляется? — насмешливо протянул один из них. — Тогда бейте до полусмерти!

Чем всё это кончится, было очевидно. Каким бы отчаянным ни был Чжэнъань, он был один. Несколько ударов — и на него обрушился ещё более жестокий град кулаков. Вскоре он уже едва держался на ногах, а потом, не в силах больше отбиваться, рухнул на Цзыци, крепко прижимая его к земле, закрывая собой, не давая им достать его.

Цзыци оказался прижат, не в силах пошевелиться. В голосе зазвенела паника, он почти плакал:

— Чжэнъань? Чжэнъань!..

Неизвестно, сколько прошло времени, но вдруг всё стихло. Вокруг воцарилась тишина — те четверо ушли.

— Чжэнъань?.. — голос Цзыци дрогнул. — Они... ушли... Вставай... Чжэнъань?..

Он звал снова и снова, но тот не двигался. Не отзывался. Даже дыхание казалось едва уловимым.

Сердце сжалось от ужаса.

С трудом высвободившись из его объятий, Цзыци повернулся — и застыл. Чжэнъань лежал с закрытыми глазами, лицо его было в крови, дыхание — слабое, почти незаметное. Неподалёку валялась толстая, в два пальца, палка.

Всё стало ясно без слов.

Слёзы хлынули мгновенно. Дрожащими руками Цзыци осторожно приподнял его, прижимая к себе, будто боялся, что тот рассыплется, если ослабить хватку.

— Чжэнъань... Чжэнъань... очнись... прошу... не пугай меня... — голос сорвался. — Если ты не проснёшься... я... я откажусь от тебя...

Раньше стоило ему сказать такое — и Чжэнъань тут же вскакивал, возмущённый, живой. Но сейчас он оставался неподвижен, как хрупкая фарфоровая кукла.

— Надо... к врачу... — сбивчиво прошептал Цзыци.

Он попытался поднять его, но тело не слушалось, руки дрожали, силы будто вытекли до

последней капли. Впервые он с такой ненавистью подумал о собственной слабости — о том, что он всего лишь гер, неспособный даже унести дорогого ему человека.

— Кто-нибудь... пожалуйста... помогите...

И будто само небо услышало его мольбу — в этот момент по дороге как раз проезжала повозка.

Цзыци, не думая ни о чём, бросился вперёд и перегородил ей путь:

— Помогите ему!.. Дядя, прошу, спасите его!!

Возничий — мужчина лет сорока с лишним — вёз груз. Увидев происходящее, он ни секунды не колебался: прыгнул, подхватил потерявшего сознание Чжэнъяня и уложил его в повозку, затем кивнул Цзыци:

— Садись!

— Спасибо... спасибо вам... — голос дрожал, но он поспешно забрался внутрь и сел рядом, осторожно уложив голову Чжэнъяня себе на колени, словно это было самое драгоценное в мире.

— Что случилось? На разбойников нарвались? — спросил возничий, подгоняя лошадь.

Цзыци лишь поспешно кивнул — он всё ещё был во власти паники. Всю дорогу он тихо, почти шёпотом, звал:

— Чжэнъянь... Чжэнъянь...

Но тот не отвечал.

К счастью, до города было недалеко — всего несколько минут. Добравшись, возничий помог ему занести Чжэнъяня внутрь лекарской лавки — той самой, где его уже когда-то лечили. И врач оказался тот же — пожилой лекарь за стойкой.

— Что случилось? — встревоженно спросил старик, поспешно выходя навстречу и указывая: — Кладите его сюда, на кровать, быстрее!

Чжун Цзыци, срываясь на всхлипы, пересказал всё, что произошло.

Старый лекарь, нахмурившись, сел у изголовья и взял Чжао Чжэнъяня за запястье, внимательно прощупывая пульс.

Прошло некоторое время, прежде чем он отпустил руку и тяжело произнёс:

— Состояние тяжёлое. Похоже, есть повреждения внутренних органов. Травм немало... Особенно голова — с виду лишь ссадина да шишка, но... — он сделал паузу, — раньше у него уже была травма головы. Поэтому, пока он не очнётся, нельзя сказать, нет ли более серьёзных последствий.

У Цзыци сжалось горло:

— Тогда... доктор... когда он придёт в себя?

Старик покачал головой:

— Точно сказать не могу. Возможно... через два-три дня. Я выпишу рецепт — как можно скорее сварите отвар и давайте ему пить. Сейчас его состояние очень тяжёлое.

Цзыци лишь молча кивнул, боясь лишний раз помешать.

Тревога никуда не исчезла, но слова врача всё же дали ему крохотную опору — раз есть лечение, значит, ещё не всё потеряно...

Только теперь он вспомнил о возничем. Резко обернувшись, Цзыци глубоко поклонился ему:

— Спасибо вам... Если бы не вы, он... — голос дрогнул. — Вы спасли нам жизнь. Если вам когда-нибудь что-то понадобится — только скажите, я сделаю всё, что в моих силах.

Мужчина лишь неловко усмехнулся:

— Да что ты... Главное — жизнь спасли.

Цзыци попытался вручить ему деньги, но тот упрямо отказался.

— Дядя, прошу, возьмите, — настойчиво сказал Цзыци, с трудом удерживая себя в руках. — Мне ещё придётся вас беспокоить... Съездите, пожалуйста, в деревню Чжао, передайте весть. Если вы не возьмёте — мне будет неудобно вас просить.

Возничий немного подумал — и всё-таки согласился.

— Найдите дом Чжао Баогэня, — торопливо объяснил Цзыци. — Четвёртый от начала деревни. Скажите им... что мой муж пострадал и я не смогу вернуться сегодня. И что завтра... мы не сможем заняться делами...

Он знал: если они не вернутся, Чжао амо и остальные обязательно начнут волноваться. Но оставить Чжэнъяня сейчас он не мог — ни на минуту.

В голове стоял хаос. Боль, страх, тревога, щемящая нежность — всё переплелось в один тугой узел.

Но одно чувство было особенно ясным.

Он боялся... что тот умрёт.

Словно кто-то вырезал кусок из его сердца — и рана нестерпимо ныла.

Он никогда раньше не испытывал ничего подобного. Даже тогда... когда тот человек женился, ему было больно — но это была совсем иная боль, гораздо слабее, чем сейчас.

Наверное, подумал он, за это время — за эти тихие дни рядом — он сам того не заметил, как начал привязываться к нему. Стал воспринимать его не как кого-то случайного, а как часть своей жизни... как человека, без которого уже нельзя.

Может быть, это ещё не любовь.

Но он готов был дать им обоим шанс.

Если только Чжэнъань откроет глаза...

Пусть даже он останется таким на всю жизнь — наивным, беспомощным — Цзыци всё равно будет рядом. Будет заботиться о нём. Не отпустит.

Люди ведь часто начинают ценить только тогда, когда вот-вот потеряют.

Раньше он тоже заботился о нём... но порой — невольно — отталкивал, не замечал настоящего.

Теперь всё будет иначе.

С этого дня... он станет беречь его, как самое дорогое сокровище.

<http://bllate.org/book/16132/1608638>